

ПЕЧАТЪ И ИСКУССТВО

А. П. Чеховъ. (1902 г.)
(Къ 10-лѣтію со дня кончины—2 июля).

XVIII годъ изданія. 1914
№ 26

Изъ воспоминаній о Чеховѣ.

П. П. Гайдаръ: Смѣхъ присущъ русскому писателю, и никакая тенденціозность и глубочайшіе замыслы произведеній не мѣшаютъ ему прорываться на смѣхъ.

Мы боимся смѣха и веселья, намъ стыдно быть веселыми. Я помню, какъ въ первый разъ давали «Юбилей», и какъ негодовала публика. Въ партерѣ возмущались:

— Можно ли ставить на образцовой сценѣ такой балаганъ...

Эти фарисеи конечно въ душѣ были рады смѣху, но считали его неприличнымъ для своего гражданского достоинства. А. П. Чеховъ не даромъ писалъ мнѣ, что боится за «Юбилей», что это слишкомъ легкомысленно для автора «Сахалина», который стоилъ ему чашотки, а можетъ быть и жизни. А въ то же время онъ говорилъ:

— Ну, что можетъ быть лучше веселаго водевиля... Вотъ и Левъ Николаевичъ изъ всѣхъ моихъ писаній только и признаетъ, что водевилъ.

Мягкій, уступчивый, снисходительный Антонъ Павловичъ поддавался вліянію окружающихъ. Но и мстил же онъ имъ. Мстил, какъ можетъ мстить только талантливый юмористъ.

Ему говорили:

— Бросьте писать рассказы. Мы ждемъ отъ васъ крупнаго.

Онъ поправлялъ пенснъ, поглаживалъ волосы, неопредѣленно покрывавъ и жаловался друзьямъ:

— Подъ именемъ «крупнаго» они подразумѣваютъ длинное. Они всѣ привыкли мѣрить погонными саженьями. Когда ему представили «необходимость» въ поѣздкѣ на Сахалинъ, онъ повѣрилъ и поѣхалъ.

— Какой то грустный кошмаръ,—говорилъ онъ потомъ.—Я чувствовалъ, что превращаюсь въ газетнаго репортера или въ сотрудника календаря по статическому отдѣлу. Сколько потрачено даромъ времени, труда и здоровья.

Московская пресса, какъ всегда зажирѣвшая и лицемерная (это слова Чехова), долго не хотѣла признавать его таланта. Въ Петербургѣ онъ уже пережилъ блестящій успѣхъ «Иванова», и его знали и любили и какъ Чехонте, и какъ Чехова. Московскіе критики писали о немъ въ это время ученыя статьи, переживая старую мочалу, утверждая, что Тургеневъ писалъ лучше. Не знаю, кто изъ нихъ обмолвился такою гениальною сентенціей, но Антонъ Павловичъ не могъ этого переварить, и въ концѣ концовъ вложилъ фразу о Тургеневѣ въ рѣчи литератора Тригорина въ «Чайкѣ». Онъ видѣлъ насквозь всю ветость и раздутость московскихъ ученыхъ и наконецъ не выдер-

жалъ и разрѣшился очаровательной фигурой Серебрякова, «отставнаго» профессора въ «Дядѣ Ванѣ»:

Въ Чеховѣ давно «накапалъ» этотъ типъ. Помню, какъ, читая «критику», онъ возмущался, не тѣмъ, что писали, но какимъ путемъ можно было подуматься до такихъ сентенцій.

— Въдъ за эту чепуху имъ деньги платятъ,—говорилъ онъ.—Вы прочтите нынѣшнюю книжку «Артиста»: что пишетъ Н. Н. Нѣтъ, что онъ пишетъ. А у насъ почитываютъ и ушами похлопываютъ.

И вотъ наконецъ дядя Ваня далъ аттестатъ «старому сухарю, ученой воблѣ». Сыгъ простого дьячка, бурсака, добился ученыхъ степеней, сталъ его превосходительствомъ, зятѣмъ сенатора... Человѣкъ 25 лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ. 25 лѣтъ онъ переживаетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ: двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно уже извѣстно, а для другихъ неинтересно, значить, 25 лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее. И въ то же время — какое самознѣніе... Какія претензіи.

Л. Н. Толстой, искренно любя Чехова, не любилъ его пьесъ.

— Это у васъ напускное, отъ Ибсена,—говорилъ онъ.— А Ибсенъ самъ то немногаго стоитъ. Авторъ долженъ захватывать зрителя, и не вѣжливо, подъ руку, а сильно, за шиворотъ. Авторъ долженъ вести зрителя за собой, куда онъ хочетъ, и не позволять оглядываться по сторонамъ. Онъ долженъ вести его за своимъ героемъ впередъ и впередъ. А куда я пойду за вашимъ героемъ? Съ дивана до... и обратно, потому что ему и ходить то больше некуда. Куда какъ интересно...

И они оба хохотали, и Толстой и Чеховъ.

Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Пишешь пьесу, уводишь со сцены героя, и сейчасъ Левъ Николаевичъ вспоминаетъ: куда онъ пошелъ? Сидишь одинъ—и зло разбираешь.

Я уже имѣлъ случай въ «Сборникѣ» по случаю 80-ти лѣтій Толстого, разсказать, какъ единственнымъ утѣшеніемъ Чехова было, что Л. Н., ругая его пьесы, говорилъ:

— Вы знаете, я терпѣть не могу Шекспировскихъ пьесъ, но ваши еще хуже.

— И зачѣмъ я пишу комедіи? сокрушался Антонъ Павловичъ.— Совсѣмъ этого не надо. То ли дѣло — писалъ бы водевильчики. Ахъ, что можетъ быть лучше маленькаго веселаго водевильчика, такого веселаго, чтобъ у зрителя отъ хохота всѣ пугоницы отлетѣли. И какъ это здорово для нашего геморроидальнаго организма. Былъ бы я богатъ, писалъ бы маленькіе, маленькіе рассказы, страничекъ по пяти, и десять рассказовъ въ годъ, не больше. То-то счастье было бы. А то теперь все погонной саженью мѣришь, тянешъ канитель, чтобъ только тебя вобла снисходительно погладила по головкѣ.

Чеховъ по окончаніи гимназіи.

А. П. Чеховъ—студентъ.